

ИНКА ГАРСИЛАСО ДЕ ЛА ВЕГА И ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

12 апреля 1539 г. в городе Куско, бывшей столице гигантской «империи» инков Тавантин-суйу, незадолго до того захваченной испанскими завоевателями, родился мальчик, которого при крещении назвали Гомесом Суаресом де Фигероа. Удивительная судьба ожидала этого ребенка. В ней все оказалось необычным, во многом неожиданным и противоречивым. Словно в зеркале, она отразила бурные события великих географических открытий, грандиозность и бесчеловечную жестокость конкисты Нового Света, гуманизм блистательной эпохи Возрождения и одновременно рутинную затхлость прозябания феодальной испанской провинции.

Пожалуй, в истории трудно найти человека, жизнь которого (12 IV 1539—24 IV 1616) представлялась бы сегодня, три с половиной столетия спустя, столь невероятным нагромождением недоразумений, очевидных противоречий и даже нелепостей, где бесспорные и легко оспоримые факты и события столь естественно «уживались» бы рядом друг с другом, а десятки лет спокойного, хотя и серенького благополучия сосуществовали бы с непрекращающейся душевной борьбой, очевидцем и невольным участником которой становится каждый, кто прочтет «Подлинные комментарии» — главный литературный труд, обесмертивший имя этого человека.

Впрочем, даже это, казалось бы столь бесспорное, утверждение является неверным. Мировая литература практически не знает имени Гомеса Суареса де Фигероа. Уточним — это имя хорошо знакомо лишь литературоведам и историкам. Для широкого же круга читателей автором «Комментариев», этой многотомной летописи-эпопеи, этого интереснейшего, важного, хотя и не бесспорного документа о Тавантин-суйу и о завоевании испанцами инкской «империи» является не Гомес Суарес де Фигероа, а инка Гарсиласо де ла Вега.

Это не литературный псевдоним; под своими произведениями автор поставил имя своего отца, которое присвоил себе, не имея на то законных прав. Не имел он права и на титул-приставку *инка*, означавшую принадлежность к замкнутому (хотя и многочисленному) семейному клану правителей Тавантин-суйу. Ибо он был бастардом — незаконно-

рожденным сыном испанского конкистадора и инкской принцессы — паллы.

О родителях Гарсиласо больше всего известно от него самого. Во всех своих произведениях он считает долгом уделить им хотя бы несколько слов. Можно утверждать, что история сохранила нам их имена только благодаря тому, что он был их сыном, ибо сами они ничем особенным не прославились.

Правда, Гарсиласо де ла Вега-отец¹ был капитаном конкистадоров — по тогдашним временам довольно высокое звание, — но он не принадлежал к тому первому потоку конкистадоров, которые во главе с Франсиско Писарро разгромили Тавантин-суйу в результате вероломного пленения и еще более вероломной казни инки-правителя Ата-вальпы. Он пришел в Перу с Педро де Альварадо, и его ратные подвиги свелись главным образом к подавлению восстаний индейцев и к участию в междоусобных войнах, раздиравших стан испанских завоевателей. Одно время он был губернатором и верховным судьей Куско (1554—1556) и на его долю достались крупные и богатые земельные наделы с проживавшими на них индейцами — репартимьенты, но Гарсиласо-отец и, естественно, его сын-бастард не заняли видного места в общественной жизни колонии. В 1559 г. отец будущего писателя скончался. Год спустя, в возрасте 20 лет, Гарсиласо покинул Америку и переехал в Испанию.

Гарсиласо весьма тщательно исследовал генеалогическое дерево своего отца — зачем ему это понадобилось, станет понятно дальше. Среди его родственников по мужской линии было много воинов. Самый известный из них — знаменитый капитан Гарси Перес де Варга, принимавший активное участие в освобождении от мавров Севильи. Два его дяди — участники завоевания Нового Света — погибли на полях сражений в Америке. Еще один дядя — дон Алонсо — был ветераном итальянских кампаний Испании; однажды он даже сопровождал испанского короля в качестве капитана его личной гвардии; на военной службе он провел в общей сложности тридцать восемь лет. Среди мужчин рода Гарсиласо были и известные литераторы; из них выделялся поэт Гарси Санчес де Бадахос, уроженец города Эсиха, которого Гарсиласо называет «фениксом испанских поэтов». Таким образом, род Гарсиласо служил испанской короне мечом и пером. Оба эти занятия — война и литературная деятельность — были для Гарсиласо-мужчин вполне обычным делом.

Если относительно родственников Гарсиласо по отцовской линии имеется определенная ясность, то этого никак нельзя сказать о родственниках его матери; и прежде всего возникают немалые сомнения в отношении ее инкского происхождения, т. е. ее принадлежности к клану инков-правителей Тавантин-суйу.

¹ Более правильное написание имени — Гарси Ласо де ла Вега, однако сам инка писал свое имя и имя отца слитно — Гарсиласо.

Сам Гарсиласо писал о ней так: «Моя мать, палья донья Исабель, была дочерью инки Гуальпа Топака, одного из сыновей Топака Инки Йупанки и палли Мама Окльо, его законной жены, — родителей инки Гуайна Капака, последнего короля, бывшего в Перу».²

Если признать эти сведения достоверными, то с точки зрения инкской иерархической лестницы донья Исабель, а до крещения Чимпу Окльо принадлежала к клану чистокровных инков, хотя и не находилась на самой верхней ее ступени, поскольку не могла стать законной женой инки-правителя. Ее, как палю, скорее всего ожидала участь законной наложницы правителя — такая «категория» существовала в Тавантинсуйу, ибо донья Исабель отличалась исключительной красотой.

Однако многие испанские историки ставят под сомнение данное утверждение Гарсиласо; они считают, что мать Гарсиласо не была палей и что ее аристократический «ранг» был значительно ниже. Поскольку у инков не было зафиксированного генеалогического дерева специально для женщин их рода (исключение составляли лишь жены правителей), сегодня спор на эту тему представляется бесперспективным. Но имеется одна деталь, все же заставляющая верить тому, что Гарсиласо говорит о своей матери.

Мы имеем в виду *адресат*, которому Гарсиласо сообщает упомянутые сведения о ее происхождении. Трудно поверить, что Гарсиласо стал бы рисковать своим престижем, сообщая испанскому самодержцу — жестокому и подозрительному Филиппу II, а именно ему адресованы приведенные нами слова, — заведомо фальшивые данные о своей матери. При желании (или даже малейшей прихоти) король Испании мог проверить достоверность этого утверждения: в те годы — обращение к Филиппу II датировано 19 января 1586 г. — еще были живы инки и палли самых «чистых кровей», в подлинности происхождения которых не было никаких сомнений, и они смогли бы опровергнуть любую попытку незаконного вторжения в их семейный клан.

Еще одно подтверждение читатель найдет непосредственно на страницах «Комментариев» в рассказе о жестокостях Ата-вальпы (кн. 9, гл. XXXV—XXXIX). Ссылаясь на авторитет испанских авторов — Диего Фернандес, Франсиско Лопес де Гомара и др., — Гарсиласо подробно описывает уничтожение Ата-вальпой мужчин и женщин из чистокровного клана инков. Он рассказывает, как его мать и ее брат неожиданно спаслись из своеобразного «лагеря смерти» в местечке Йавар-пампа, куда были согнаны женщины и малолетние дети самых чистых инкских кровей.

Представляется невероятным, что Гарсиласо мог присочинить подобную деталь к биографии своей матери ради собственного престижа, ибо все его творчество пронизывает самая искренняя любовь к родителям,

² Obras completas del Inca Garcilaso de la Vega. Madrid, 1965, p. 7.

огромное к ним уважение и почтение, похожее скорее на самоуничижение.

В последней главе «Комментариев» читатель познакомится с важным документом, подтверждающим правоту Гарсиласо; из него видно, что оставшиеся в живых после конквисты инки сами считали Гарсиласо своим родичем.

Для Гарсиласо вопрос о том, чьим потомком он был, кем были его предки, отнюдь не являлся вопросом только его личного престижа. Недаром он с такой тщательностью, с таким вниманием исследовал родословную своего отца и своей матери, так настойчиво и последовательно показывал в своих произведениях обе эти линии. Дело здесь не только в желании публично продемонстрировать знатность своего происхождения и тем самым подтвердить и утвердить свое положение аристократа, хотя и это без сомнения имело свое значение, особенно для бастарда. Гарсиласо были нужны именно такие родственники, чтобы как можно рельефнее показать те два начала — испанское и индейское, которые слились в нем воедино, дав жизнь новой этнической группе, одним из первых представителей которой стал инка Гарсиласо де ла Вега. Он с гордостью называл себя метисом, отвергая любые другие имена и прозвища, под которыми кое-кто из его сородичей стыдливо пытался скрыть свое необычное происхождение (см.: кн. 9, гл. XXXI). Недаром многие исследователи называют Гарсиласо «первым латиноамериканцем».

Эти вопросы становятся неизбежными, если принять во внимание то общественное положение, которое Гарсиласо занимал в Испании ко времени начала работы над своими рукописями.

К сожалению, сохранились лишь чрезвычайно скудные данные о жизни Гарсиласо в Испании. Причем многие из них приходится «вылавливать» главным образом из его же собственных произведений, включая разного рода документы — письма, посвящения и т. п., которые Гарсиласо опубликовал в качестве приложений к ним. Очевидный интерес представляют также разнообразные акты гражданского состояния периода его жизни, фиксируемые властями, церковью, нотариусами и т. п. Содержащиеся в них сведения позволяют заполнять белые пятна в биографии Гарсиласо. Следует указать, что исследования в этой области продолжаются и в наше время; так, например, в 1968 г. в журнале «Сан Маркос», издаваемом Университетом Лимы, были опубликованы 14 до того неизвестных документов, касающихся семьи Гарсиласо (по отцовской линии); в одном из них упомянут сам Инка Гарсиласо.³

Насколько можно судить по всем этим и другим источникам, судьба обошлась с Гарсиласо достаточно сурово — правильнее было бы сказать, что она именно в испанский период его жизни (1560—1616) проявила к нему почти полное безразличие.

³ San Marcos, Numero séptimo. Segunda época, diciembre 1967. enero-febrero 1968, Lima, Perú.

Едва ступив на землю своей второй родины — он высадился с корабля в Севилье, — Гарсиласо направился в город Бадахос к своему дяде-тезке Гомесу Суаресу де Фигероа. О характере этой встречи можно лишь догадываться по такому факту: дядя тут же берет у своего экзотического племянника в долг «около 300 дукатов». Возможно, что именно по этой причине Гарсиласо вскоре оказывается в доме другого своего дяди, прославившегося на войне в Италии капитана Алонсо де Воргаса. Там, в небольшом селении Монтилья (провинция Бадахос), он провел почти безвыездно тридцать (!) лет. Не нужно много воображения, чтобы представить себе, что могла дать Гарсиласо глухая испанская провинция взамен той жизни, которую он вел в Перу, «рожденный среди огня и ужасов жесточайших гражданских войн своей родины, среди оружия и лошадей и обученный владеть ими...», — как он сам рассказывает.

Предположение, что его пребывание в Монтилье не носило добровольного характера, имевшее в прошлом немало сторонников, не находит каких-либо подтверждений ни в высказываниях самого Гарсиласо, ни в сохранившихся от монтильского периода его жизни документах. Более того, именно в первые годы своего пребывания в Монтилье, когда режим предполагаемого «ссылного» должен был бы быть наиболее строгим, он посетил Мадрид (в конце 1562 г.), а также, по некоторым данным, участвовал в военной кампании в Италии (1564 г.) и в подавлении восстания морисков в Альпухаррас (1569—1570 гг.). Из Альпухаррас он вернулся в Монтилью в связи со смертью дяди дона Алонсо, до этого усыновившего своего племянника Гарсиласо. Военные походы принесли Гарсиласо звание капитана. Однако на этом его военная карьера заканчивается, и следующие два десятилетия он уже безвыездно проводит в Монтилье.

После смерти жены дяди (1582 г.) Гарсиласо стал владельцем их фамильного дома в Монтилье. В 1590 г. он продал его и перебрался в Кордову. Теперь Кордова становится его постоянным и безвыездным местожительством. Здесь он принял духовное звание (примерно 1610 г.) и купил себе капеллу в знаменитом кафедральном соборе-мечети Кордовы, в которой и был похоронен 24 апреля 1616 г. Таковы основные даты жизни Гарсиласо.

К сожалению, нет точных сведений, которые позволили бы установить, когда Гарсиласо решил посвятить себя литературной деятельности. Очевидно, это могло случиться только в Монтилье, но, когда именно и что послужило для этого непосредственным толчком, неизвестно. В Монтилье Гарсиласо вел отнюдь не замкнутый образ жизни; по-видимому, красавец-метис, именовавший себя к тому же Инкой — потомком «императоров» Тавантин-суйу, пользовался широким успехом у местного общества, о чем свидетельствует любопытный факт: сотни раз он выступал в роли крестного отца — по тем временам фигура весьма почетная.

Тогда же он сблизился с местными литературными кругами; в Монтилье он изучил или освоил азы итальянского языка — его учителем мог быть дядя Алонсо; видимо, дядя привил ему интерес и симпатии к этой прекрасной стране, в которой он воевал.

Все биографы Гарсиласо сходятся на том, что его поездка в Мадрид оказалась крайне неудачной; в чем конкретно выразилась неудача — никто толком не знает; предполагают, что ему было отказано в службе при испанском дворе, на которую несомненно рассчитывал Гарсиласо. Именно после Мадрида Гарсиласо меняет свое имя на имя отца. Причины этого поступка также неясны. По-видимому, он как-то связан с мадридской неудачей. Иного мнения придерживается аргентинский биограф Гарсиласо Хуан Баутиста Авалье-Арсе. По его мнению, Гарсиласо изменил имя из-за антипатии к своему тезке, двоюродному брату, не вернувшему ему те самые «около 300 дукатов», которые Гарсиласо одолжил его отцу в первые же дни своего приезда в Испанию. Вряд ли можно согласиться с такой трактовкой этого поступка Гарсиласо; достаточно вспомнить, что среди его родственников-тезок был также граф де Фериа, ставший позднее герцогом. Подобный тезка был весьма желателен всякому испанцу, а тем более метису.

В любом случае создается впечатление, что замена имени имела какое-то отношение к появлению новых жизненных планов у Гарсиласо. Возможно, что именно тогда он решил не возвращаться в Перу — испанские власти выдали ему такое разрешение — или предпринял какой-то другой важный шаг, не зафиксированный документально и не получивший каких-либо внешних проявлений. Так или иначе, но в ноябре 1563 г. метис Гомес Суарес де Фигероа исчезает, а вместо него в Монтилье появляется Инка Гарсиласо де ла Вега.

После военной кампании в Альпухаррас медленно текут в Монтилье годы сытого и спокойного безделья Гарсиласо. И вдруг, неожиданно Гарсиласо публикует свой первый литературный труд. Собственно, неожидан не сам факт публикации, ибо у Гарсиласо не было основания скрывать свои литературные занятия от близких и хорошо расположенных к нему людей. Более того, он пишет, что именно друзья, которых он ознакомил с рукописью, посоветовали ему опубликовать ее. Неожиданно другое: *сам литературный труд*, по сей день вызывающий массу недоуменных вопросов: Гарсиласо переводит с итальянского на испанский язык «Письма любви» Леона Эбрео, которые к тому времени уже дважды — в 1548 и 1582 гг. — переводились на испанский язык и издавались в Испании.

Чем и как объяснить появление этого литературного труда, который, по признанию самого же Гарсиласо, стоил ему немалых усилий?

Взялся ли он за эту действительно нелегкую работу лишь под влиянием тех чувств, которые вызвало в нем это произведение, или для заработка? Но подобная работа скорее была убыточным предприятием, во

всяком случае на первоначальном этапе. К тому же Гарсиласо не мог не знать, что публикация «Писем любви» была не совсем безопасным делом, ибо «святая» инквизиция довольно косо смотрела на увлечение философией неоплатонизма, которую излагал Леон Эбрео в «Письмах любви». По свидетельству ряда исследователей испанской литературы, именно перевод Гарсиласо был впоследствии занесен инквизицией в индексы-списки запретной литературы.⁴

И все же Гарсиласо издал свой перевод Леона Эбрео. Нам представляется, что сделал он это вполне обдуманно и, принимая такое решение, руководствовался не столько чувствами, сколько разумом, потому что перевод и издание «Писем любви» не были для Гарсиласо самоцелью; скорее всего он рассматривал это лишь как важный *подготовительный этап*, который должен был открыть дорогу его главному литературному труду, важнейшему делу всей его жизни. Он рассчитывал привлечь внимание к мало кому известному автору перевода и тем самым создать в дальнейшем наиболее благоприятную почву для другого труда, составлявшего, повторяем, главную цель не только творчества, но и всей его жизни. Именно так могла быть решена чрезвычайно важная для Гарсиласо проблема, проблема как рассказать правду о себе самом.

Уже сама популярность «Писем любви» должна была гарантировать его книге (это была книга-интерпретация, а не книга-перевод, что соответствовало тогдашним понятиям и нормам творческой деятельности литературного переводчика) широкую читательскую аудиторию и, следовательно, позволяла рассчитывать на то, что и последующие произведения Гарсиласо будут встречены с интересом. Ради этого же интереса Гарсиласо наполняет титульный лист своей книги сведениями, которые должны были заинтересовать читателя и привлечь особое внимание к автору перевода. Достаточно прочесть название книги, чтобы убедиться в этом: «Перевод трех „Диалогов любви“⁵ Леона Эбрео, сделанный с итальянского на испанский язык индейцем Гарсиласо де ла Вега, уроженцем великого города Куско — столицы королевств и провинций Перу...».

Но Гарсиласо не ограничивается только этим. Не менее многозначительны его разъяснения о своем происхождении, которые даны в посвящении Филиппу II (они частично уже приводились нами). Прочитав еще один отрывок из этого же документа: «...от имени великого города Куско и всего Перу я дерзаю представиться вашей августейшей милости, предлагая нищету этой первой, жалкой и ничтожной услуги, которая, однако, потребовала от меня очень больших усилий и времени, ибо ни итальянский язык, на котором [это произведение] написано, ни испан-

⁴ Menendes y Pelayo. Historia de las ideas estéticas en España, vol. III. Madrid, 1883, p. 14.

⁵ В отличие от принятого у нас названия произведения Л. Эбрео — «Письма любви» — на испанском языке оно называется «Диалогами любви».

ский, на который я его перевел, не являются моими родными языками...». Далее Гарсиласо уже прямо указывает, что работает над произведениями, которые расскажут о его первой родине, о завоевании испанскими конкистадорами Нового Света. Так, во втором письме члену королевского совета аббату Максимилиану Австрийскому (в качестве предисловия к «Письмам любви» предпосланы, помимо посвящения Филиппу II, два письма Гарсиласо к Максимилиану Австрийскому и ответ последнего на второе письмо) Гарсиласо сообщает, что им уже написано более четверти истории о завоевательном походе аделантадо Эрнандо де Сото, т. е. будущей книги Гарсиласо, известной под названием «Флорида».

Гарсиласо не торопится. Пройдут еще почти два десятилетия, прежде чем его «Флорида» выйдет в свет (1605 г.). Но и «Флорида» тоже не главное в жизни и творчестве Гарсиласо. Пожалуй, ее также следует рассматривать как еще одну беллетристическую пробу пера, в которой Гарсиласо не столько заботился об исторической достоверности описываемых им событий — речь шла о неудачной экспедиции аделантадо де Сото, — сколько стремился воспеть дух героизма, самопожертвование и другие человеческие чувства и страсти, наделяя ими в равной степени и испанцев, и индейцев, что делает его «Флориду» в чем-то похожей на гениальную поэму «Араукана» испанского поэта Алонсо де Эрсилья-и-Суньига (1536—1594), с которой Гарсиласо был знаком. Добавим еще, что «Флорида» писалась им главным образом по воспоминаниям — письменным и устным — непосредственных участников этого похода.

«Подлинные комментарии» уже были закончены к моменту публикации «Флориды», однако они вышли в свет лишь в 1609-г. в Лиссабоне. А еще через восемь лет, в 1617 г., уже после смерти автора, была издана «Всеобщая история Перу», которую сам Гарсиласо назвал второй частью своих «Комментариев». Она повествует о завоевании испанскими конкистадорами инкского государства и о междоусобных войнах в стане победителей.

В начале настоящей статьи уже говорилось о том, что жизнь и творчество Гарсиласо вызывали и продолжают вызывать немало недоуменных вопросов и противоречивых суждений. Неоднократно высказывались мнения, что Гарсиласо заимствовал большую часть своего труда из рукописного сочинения монаха Блас Валеры, или, наоборот, что никакого Блас Валеры не было, а Гарсиласо ссылается на него, дабы обезопасить себя от нападок тех, кто не согласен с его изложением истории Перу.

Все дело в том, что о существовании рукописи Блас Валеры известно только от Гарсиласо, ибо не найдено ни одного другого источника, в котором она цитировалась бы или упоминалась. Между тем Гарсиласо не только рассказал о рукописи Валеры и о том, как она к нему попала, но и постоянно цитирует ее, ссылаясь на Блас Валеру как на крупный авторитет в области истории Тавантин-суйу и испанской конкисты.

Ныне уже неопровержимо доказано, что Блас Валера — личность историческая, поскольку его имя было обнаружено в документах г. Лимы 1583 г.;⁶ нет также сомнений в том, что именно он является автором цитируемой Гарсиласо рукописи, а некоторые исследователи склонны даже приписывать Блас Валере знаменитую хронику XVI—XVII вв. «Анонимное сообщение о древних обычаях жителей Перу», автором которой обычно значится Анонимный Иезуит.⁷ Однако подавляющее большинство исследователей отвергает это предположение.

Известный перуанист прошлого века англичанин Маркхем подсчитал, что Гарсиласо более *ста* раз цитирует в своем произведении различных авторов — точнее, 107 раз. В том числе Блас Валеру — 21 раз, Сиёса де Лебна 30, Акóсту 27, Гóмара 11 и т. д.⁸

Вывод напрашивается сам по себе: рукопись Валеры была для Гарсиласо одним из важнейших, но далеко не единственным источником информации. Был ли он тенденциозен при отборе этой информации? Несомненно, ибо подавляющее число цитат, которые он весьма щедро рассыпал по страницам своей книги, не опровергают, а *подтверждают* его главные концепции. Правда, мы не можем конкретно доказать эту его тенденциозность именно в случае с рукописью Валеры, ибо, повторяем, все, что о ней и из нее известно, было опубликовано только и исключительно самим Гарсиласо, однако его манера цитировать все остальные произведения, которые дошли до наших дней, убеждает в тенденциозности автора «Комментариев».

Излагаемая Гарсиласо история Перу является *официальной версией*, которая была принята у самих инков. Гарсиласо постоянно повторяет, что он рассказывает о прошлом Тавантин-суйу со слов своих родичей-инков. Он даже сетует, что по молодости недостаточно внимательно слушал их и стал забывать их рассказы.

Всем, кого интересует история Тавантин-суйу, стоит разделить огорчения Гарсиласо. Конечно, «сказки инков», как он сам их называет, часто довольно далеки от подлинной истории инкского государства, но представляют огромную ценность для исследователей древнего Перу. И разве мог Гарсиласо предложить своим современникам и их потомкам что-либо другое? Разве мог он в дыму пожара, в кровавой бойне, учиненной европейскими завоевателями, изучать историю десятков народов, поработанных и насильственно включенных в государство инков? Нельзя также забывать, что инки-правители, насаждая повсеместно свою культуру, свою историю, умели искоренять любую крамолу, каковой несомненно была для них подлинная история их собственных завоеваний и ис-

⁶ Gustavo Valcarcel, Perú: Mural de un Pueblo, Apuntes marxistas sobre el Perú prehispánico, Lima—Perú, 1965, p. 416.

⁷ Jesuita Anónimo. Relación Anónima de los costumbres antiguas de los naturales del Perú. Tres Relaciones de antigüedades peruanas. Madrid, 1879.

⁸ Obras completas del Inca..., p. 32.

тория всего того, что имело место до появления на завоеванных землях всемогущих «представителей» и даже «сородичей» самого Солнца.

Еще более очевидны важность и значение другой информации, содержащейся в «Комментариях». Гарсиласо довольно подробно, иногда смелчайшими, на первый взгляд излишними деталями описал жизнь государства инков. Нельзя не поражаться, как ему удалось собрать столь подробную и обширную информацию о Тавантин-суйу. Он рассказывает буквально обо всем, часто даже повторяя отдельные описания. Вполне естественно, что сведения, которые дает Гарсиласо, требуют критического осмысления, а в некоторых случаях и специальных дополнительных данных.

История у Гарсиласо не сведена к жизнеописанию отдельных личностей; он дает ее комплексно, хотя и описательно, вводя в повествование такой важнейший элемент, как экономическая деятельность государства и отдельных его граждан. Такой подход к истории — очевидное свидетельство выдающихся способностей Гарсиласо-историка.

Теперь обратимся к тому, о чем не рассказал Гарсиласо, но что следует иметь в виду современному читателю его книги.

Государство Тавантин-суйу возникло отнюдь не на пустом месте, как утверждает официальная история инков.

Существуют различные периодизации истории Перу, правда в основном совпадающие. Мы не ставим перед собой задачу уточнения или сравнения тех или иных концепций и предлагаем читателю один из наиболее распространенных в Перу вариантов этой периодизации.

Каменный век. Наиболее древнее захоронение человека на территории Перу — пещера в местечке Лаури-коча. Собирательство, охота. 8000—4000 лет до н. э.

Предкерамический (предгончарный) период. 4000—1500 лет до н. э.

Протогончарный период. Появление зачатков земледелия; переход человека из пещеры в первые поселения. 1500—1000 лет до н. э.

Период Чавин. Первая из известных цивилизаций, распространение и влияние которой обнаружены на огромной территории вдоль побережья и в сьерре. Относительно развитое земледелие, гончарство, ткачество, строительство культовых сооружений. 1000—500 лет до н. э.

Период регионального развития. Исчезает влияние чавинской культуры; появляются зачатки локальных культур, достигающих своего расцвета в следующий период. 500—200 лет до н. э.

Классический период или период региональной независимости. Возникает ряд выдающихся культур — Мочика, Прото-Лима, Наска, Рекуай, Пукара и Тиауанако. Каждая из них имеет свои

характерные черты и выдающиеся достижения. Так, керамика Кухатуль Мочика считается одним из самых выдающихся образцов древнего гончарного искусства. Так называемые покрывала из некрополя в Паракас (культура Наска) считаются непревзойденными образцами древних тканей по цвету и искусству изготовления. 200 г. до н. э. — 800 г. н. э.

Период распространения влияния культуры Тиауанако. Происходит почти повсеместное и чрезвычайно быстрое распространение наиболее характерных образов тиауанаковского искусства. Важнейшие центры — Тиауанако и Уари в сьерре и Пачакамак на побережье. 800—1200 гг. н. э.

Период «протоисторических» племен. Характеризуется подобием возрождения локальных культур и угасанием влияния тиауанаковской культуры. Например, культура Чиму как бы продолжает культуру Мочика, в частности в керамике, однако она не достигает уже того величия и совершенства, которые были ей свойственны в первый период. В этот период на территории Перу происходит как бы окончательная локализация тех племен, племенных образований, которые впоследствии вошли в государство Тавантин-суйу.

Среди «протоисторических» племен где-то в сьерре набирало силы племя, которому суждено было положить начало гигантскому государству Тавантин-суйу. Примерно к середине XIII в. оно захватило высокогорную долину, где им было основано небольшое поселение Куско — будущая столица.

Доинкская история Перу стала известна только исключительно благодаря археологии. О древнейших культурах не сохранилось ни устных, ни письменных источников.

И только остатки оросительных каналов, развалины сложенных из адобов или камней гигантских культовых сооружений и крепостей, изделия и украшения из камня, кости или драгоценных металлов, ткани и, наконец, керамика позволяют с большей или меньшей полнотой и степенью достоверности нарисовать общую картину жизни этих племен и народов.

Достижения культуры Мочика, еще более ранней культуры-гегемона Чавин, как и всех других доинкских цивилизаций, прошли через столетия и так или иначе стали достоянием инков. Инки активно использовали накопленные предшественниками знания в строительстве своего общества, своей цивилизации, занимающей выдающееся место в истории человечества.

Обратимся теперь непосредственно к истории самого Тавантин-суйу. «Из оригинальных хроник, составившихся начиная с даты испанской конкисты, а также на протяжении XVI и XVII вв., — пишет перуанский историк К. Аранибар Серпа, — возникают противоречивые друг другу списки правителей, разные по количеству и по немислимим вариантам их имен и событий, которые приписываются каждому из них. То, что

можно было бы назвать *минимальной капаккуной*,⁹ было представлено такими хронистами, как оидор¹⁰ Сантьяна¹¹ или Педро Писарро,¹² или в *информациях*, которые приказал собрать в 1571—1572 гг. вице-король (Перу) Толедо; они называли только четырех или пятерых инков, начиная от Вира-кочи или от Пача-кутека. *Максимальной капаккуной* можно было бы назвать то, что записал в XVII в. священник Монтесинос¹³ и что составляет список целой сотни правителей. Между этими двумя крайностями стоит знаменитое и столь распространенное резюме из двенадцати, тринадцати или четырнадцати инков (в зависимости от вкусов потребителя), оставляющее впечатление сравнительно позднего изобретения, относящегося к эпохе Пача-кутека.¹⁴

Здесь достаточно точно изложена ситуация с инками-правителями, имеющаяся на сегодня в исторической науке. По-видимому, из всех существующих перечней именно список из тринадцати имен правителей соответствует официальной версии самих инков. Наиболее убедительное подтверждение этому дано в сочинении Гарсиласо (см. последнюю главу «Комментариев»), хотя сам он называет четырнадцать инков (включая Ата-вальпу). Вот этот список:

Легендарные инки

1. Манко Капак — легендарный основатель Куско и династии инков-правителей. 2. Синчи Рока 3. Льюке Иупанки 4. Майта Капак 5. Капак Иупанки 6. Инка Рока 7. Йавар Вакак 8. Вира-коча	}	Инки так называемого легендарного периода истории — 1200 (приблизительно)—1438 гг.; считается, что до Инки Рока правителями инков была династия из так называемого «Нижнего Куско», а начиная с Инки Рока правила династия «Верхнего Куско».

⁹ Поименный перечень правителей.

¹⁰ Член городского магистрата.

¹¹ Fernando de Santillana. Relación del Origen, descendencia política y gobierno de los Incas. Ed. de Marcos Jiménez de la Espada en «Tres relaciones de antigüedades peruanas». Madrid, 1879.

¹² Pedro Pizarro. Relación del descubrimiento y conquista de los Reinos del Perú... Colección de Documentos Ineditos para la Historia de España. Vol. V. Madrid, 1844, pp. 201—228.

¹³ Fernando Montesinos. Memorias Antiguas historiales y políticas del Perú. Ed. de Marcos Jiménez de la Espada. Colección de Libros Españoles Raros o Curiosos. Vol. XVI. Madrid, 1882.

¹⁴ Biblioteca Hombres del Perú, (1) 11, Carlos Aranibar, «Pachacutec». Lima, 1964, p. 9.

Исторические инки	Годы правления
9. Пача-кутек Инка Йупанки	1438—1471
10. Топа (Тупак) Инка Йупанки	1471—1493
11. Вайна Капак	1493—1525
12. Васкар	1525—1532
13. Ата-вальпа	1532—1533 (казнен испанцами)

Перечень инков-правителей у Гарсиласо отличается от настоящего только в одном: Пача-кутек Инка Йупанки у Гарсиласо не одно, а два лица, а именно Пача-кутек Инка и Инка Йупанки (годы правления исторических инков у Гарсиласо не указаны).

Гарсиласо не только «расчленил» инку Пача-кутека на два лица, но и приписал третьему лицу — его предшественнику Вира-коче разгром чанков — соседнего с кечва племени (или конфедерации племен), победа над которыми означала резкий перелом в истории инкского (кечванского) государства. Ведь до этой победы Куско был всего лишь одним из городов-государств центральной сьерры или района Южных гор, т. е. основной территории расселения кечванских племен (ныне — департамент Куско), к которым принадлежали и инки.

Более того, существует мнение, например, так считает известный бразильский ученый Ибарра Грассо, что Куско вместе с другими кечванскими городами-государствами до этой победы находился в вассальной зависимости от индейцев аймара, главной резиденцией верховного правителя которых был город Колья, и что инки выступили против чанков (или иных племен) по требованию из Колья, однако их «помощь» оказалась настолько «эффективной», что они не только разгромили вторгшиеся племена, но и захватили в плен своего сюзерена.

Трудно судить, насколько близка к истине эта гипотеза; достоверным же является то, что именно с разгрома чанков начинается стремительная и повсеместная экспансия инков.

Этот крутой поворот в их истории требовал соответствующего объяснения (конечно же, для последующих поколений). Создается впечатление, что наследникам Пача-кутека было куда более выгодно «ошибочно» приписать столь разительные перемены не исторически достоверному лицу, каковым являлся Пача-кутек, а некоему мифическому инке-правителю, имя которого — Вира-коча — занимало одно из самых почетных мест в пантеоне инкских богов. Подобная «ошибка», конечно, вносила известную путаницу в капаккуну, но зато она гарантировала непоколебимость чрезвычайно важного «тезиса» официальной истории инков — «причастности» к ней самих богов. Что же касается Гарсиласо, то он, как мы уже говорили, излагал именно официальный «вариант» инкской истории и, следовательно, не мог (не имел права!) вносить в него какие-либо коррективы.

Однако вернемся непосредственно к истории инков. В начале XV в. инки из Куско были главным образом заняты борьбой за право на независимое существование; об этом свидетельствуют не только нарративные источники, но и археологические раскопки, благодаря которым удалось достаточно хорошо изучить (впрочем, раскопки продолжаются и сегодня) другие не менее важные кечванские центры или города-государства, каждый из которых мог с успехом соперничать и соперничал с Куско. В ту эпоху «государственные границы» Куско проходили не в сотнях и даже не в десятках, а всего лишь в 15—20 километрах от будущей столицы Тавантин-суйу.¹⁵

Рядом с Куско, в нескольких часах или днях пешего пути, возвышались грозные бастионы крепостей не менее могущественных Пакаректампу, Писака, Ольянтай-тамбо и других городов-государств. Испанский солдат и хронист Бетансос, основываясь на собранных им в 1550 г. данных у инкских «историков» — кипу-камайюков, писал, что в период правления Вира-кочи вокруг Куско находилось «более двухсот касиков господ селений и провинций... которые титуловали себя и их называли в их землях Капаками Инками, что означает господа и короли; и также поступал этот Виракоча Инка».¹⁶ Все они говорили на одном языке и принадлежали к одной языковой семье. Их объединение в единое государство было вызвано внутренними потребностями, но еще больше внешними факторами, а именно необходимостью противостоять все учащавшимся набегам чужеродных племен (государственных образований). Повидимому, эта борьба продолжалась с нарастающим упорством при жизни нескольких поколений и достигла своего апогея к концу 30-х годов XV в. В силу каких-то обстоятельств, о которых можно лишь предполагать, именно Куско стал главным объектом экспансии чанков и именно Куско сумел в решающий момент объединить всех кечва и разгромить этого наиболее сильного и воинственного противника.

Не вызывает сомнений — так свидетельствуют нарративные источники, — что в этой борьбе важную роль сыграл Пача-кутек (у Гарсиласо — Вира-коча), личный вклад которого в разгром чанков оказался настолько велик, что обеспечил ему трон верховного правителя над всеми кечва. Ход дальнейших событий лишь подтвердил выдающиеся военные и государственные способности этой первой исторически достоверной личности из прошлого Перу. Пача-кутек объединил всех кечва; он сумел также подчинить и заставить «трудиться на себя» другие племена и народы, в том числе своих злейших врагов — чанков, боевые отряды которых приняли самое активное участие в его завоевательных походах. За время царствования Пача-кутека — он умер в 1471 г. — Куско из города-государства превратился в столицу огромной «империи», владения кото-

¹⁵ Victor Angeles Vargas, «P'isaq. Metrópoli Inka», Lima-Perú, 1970, p. 147.

¹⁶ Biblioteca Hombres..., p. 15.

рой на юге дошли до озера Титикака, а на севере включали ряд районов современного Эквадора,¹⁷ что составляет по прямой расстояние почти в две тысячи километров. Не менее важно и то, что инки впервые вышли на тихоокеанское побережье: именно здесь они столкнулись с теми высокими цивилизациями — особенно Чиму, — у которых могли многому научиться.

Десятки разноязычных племен и народов оказались под властью инков. Здесь начинается, пожалуй, самая интересная, во многом необычная и удивительная страница истории Перу. Конечно, мы не можем принять за реальную действительность то, что рассказывает о ней Гарсиласо, ибо завоевательные походы не могли не причинять невероятные страдания как самим завоевателям, так и завоеванным. Но завоевание отнюдь не сводилось к ограблению, обложению данью или порабощению — в том смысле, как принято понимать это слово, — потерпевших военное поражение племен и народов.

Для инков военная победа, какой бы значительной она ни была, не означала конец их экспансии. Завоеватели ставили перед собой куда более сложную социально-политическую и экономическую задачу: превращение вновь завоеванных земель и проживавшего на них населения в составную, органически слитую с Тавантин-суйу часть инкской «империи». При этом земля и ее население не воспринимались инками как нечто единое и не поддающееся расчленению — в случае необходимости они легко «отделяли» одно от другого, переселяя целые народы и заселяя другими народами «освобождавшиеся» таким путем земли. Интересно отметить, что армия инков имела в своем составе «подразделения» по социально-экономическому переустройству вновь завоеванных территорий.

Нам представляется, что инкам удалось решить эту задачу. При этом использовалась «айлью», о повсеместном распространении которой на землях Тавантин-суйу свидетельствуют все хронисты. Говорит о ней и Гарсиласо, хотя в отличие от остальных авторов он не называет ее словом айлью. Община зародилась задолго до появления инков на исторической арене, однако инки как никто другой сумели понять и оценить *политическое* значение этого главного экономического звена тогдашней экономики.

Все этнические группы Тавантин-суйу, включая основную массу населения кечванского происхождения, имели одни и те же обязанности и права (таковые также имелись). Что же касается привилегией, то они, как правило, были связаны или с личными достоинствами того, кому были пожалованы, или носили ясно выраженный социальный характер. Храм Солнца в Куско был превращен инками в пантеон региональных

¹⁷ T. Alden Mason. *Las Antiguas Culturas del Perú*. México, 1962, p. 66.

богов, куда были доставлены главные идола всех «королевств» и «провинций», как об этом свидетельствует хронист Поло де Ондеградо.¹⁸

В этом нетрудно усмотреть побудительные мотивы, на которые указывает Ф. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», когда говорит о Римской империи: «Потребность дополнить мировую империю мировой религией ясно обнаруживается в попытках ввести в Риме поклонение, наряду с местными, всем сколько-нибудь почтенным чужеземным богам».¹⁹ Аналогия ситуаций в имперском Риме и имперском Куско очевидна.

Даже при насильственном переселении (о нем подробно рассказывает Гарсиласо) на новое место переводилась вся целиком «административная единица» — община, селение, провинция, включая местные (племенные) власти. Инки тщательно следили и за соблюдением местных обычаев, сохраняя за каждым племенем или народом право носить свою одежду, голловый убор, прическу, а на войне пользоваться своим видом оружия.

Это не исключало того, что в ряде вопросов духовной жизни позиция инков была достаточно жесткой: Солнце становилось верховным божеством для всех; религиозные ритуалы на местах повторяли ритуалы Куско; повсеместно насаждался *руна сими* — всеобщий язык, т. е. кечва, знание которого открывало серьезные перспективы для карьеры. В этом последнем действии инков оказались настолько эффективными, что, как пишет Луис Э. Валькарсель, «помимо кечва, языка инки, в живых остался только язык аймара...»,²⁰ на котором говорили жители района озера Титикака (центр культуры Тиауанако) и к которому инки проявляли определенную терпимость. (Поскольку здесь зашла речь о языке, укажем, что существование особого языка инков, о котором упоминает Гарсиласо, не получило подтверждения, как, впрочем, нет и достоверных доказательств, опровергающих это утверждение).

По-видимому, при Пача-кутеке было введено военизированное деление всего населения на «пятерки», «десятки», «пятидесятки» и т. д., налажен строжайший поголовный учет всех видов трудовой деятельности населения и получаемого в результате продукта.

Таким образом, именно с приходом к власти Пача-кутека связано становление гигантской «империи», которую инки не без основания называли Тавантин-суйу, что на кечва означает «Четыре стороны света». Менее чем за сто лет эта «империя» поглотила и освоила огромнейшую территорию, протяженностью в пять тысяч километров и населенную миллионами жителей.

¹⁸ Biblioteca de Cultura Peruana Contemporanea, Ruben Vargas Ugarte S. J., «La Religión de los Incas». Lima, 1963, p. 164.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в трех томах. Т. 3. М., 1966, стр. 411.

²⁰ Biblioteca de Cultura Peruana Contemporanea, Luis E. Valcarcel, «La Historia del Perú», p. 66.

Скорее всего при Пача-кутеке была также окончательно сформулирована «концепция» божественного происхождения инков, «узаконившая» неизбежность их права повелевать остальными людьми.

Что касается религии инков, то нельзя не отметить, что Гарсиласо именно в вопросах их «идолопоклонства» допустил ряд неточностей и даже искажений. По этой причине нам придется коснуться здесь данной проблемы.

Прежде всего укажем, что практически все хронисты — Уаман Пома, Сармьенто, Кабельо Бальбоа, Аюста, Сиеса де Леон, Гомара, Поло де Ондерадо, Монтесинос и др. — утверждают, что при инках продолжали существовать ритуалы человеческих жертвоприношений; хронисты дают довольно подробное описание этих ритуалов, например «праздника» *капакоча* — ежегодного приношения в жертву малолетних детей, представлявших каждую из «четырех сторон света».

Человеческие жертвоприношения — явление, настолько обычное для той эпохи, что об этом не стоило бы упоминать, если бы не Гарсиласо — только он один и еще цитируемый им Валера утверждают, что инки не приносили в жертву людей и даже запретили человеческие жертвоприношения там, где они практиковались. Очевидно, Гарсиласо неправ, хотя понять его можно, ибо именно жертвоприношениями оправдывали испанцы свои невероятные жестокости в Новом Свете. Гарсиласо хотел лишить завоевателей этого «козыря».

Теперь относительно религии в целом. Читатель без труда обнаружит стремление Гарсиласо доказать монотеистический характер инкской религии. Однако автор «Комментариев» сам приводит достаточное количество доказательств, опровергающих подобное утверждение. Вообще проблема религии весьма любопытно трактуется у Гарсиласо, что несомненно связано с его духовным дуализмом, породившим довольно забавную смесь из верноподданнических заверений по адресу католической церкви (во «Всеобщей истории Перу», согласно Гарсиласо, во время восстания индейцев «святые» уже открыто «действовали» мечом и копьём, спасая испанцев от поражения), почтительнейшего отношения к инкскому «Отцу-Солнцу» и достаточно едких замечаний по поводу высказываний некоторых испанских авторов, пытающихся поставить знак равенства между язычеством индейцев и католической верой. Гарсиласо также посвятил целые страницы показу несостоятельности утверждений о том, что индейцы Нового Света являлись потомками древних иудеев.

Следующая проблема, которую необходимо упомянуть, касается письма. Гарсиласо достаточно много рассказал о так называемых кипу — знаменитых узелках на нитях, с помощью которых инки передавали весьма значительную по объему информацию. По-видимому, кипу полностью вытеснили письмо. Как и когда это произошло — сейчас трудно сказать с достаточной степенью достоверности. Правда, уже упоминавшийся нами Фернандо де Монтесинос в своих знаменитых «Древних, Ис-

торических и Политических Мемуарах о Перу» пишет, что инка-правитель Тупак Каури Пачакути — напомним, что Монтесинос называет не 12 и не 13 инков-правителей, а целую сотню, — установивший не без помощи верховного жреца, что все зло и вся порча идут от письма (*las letras*), запретил кому бы то ни было «пользоваться и возрождать его, потому что пользование им принесло бы еще большее несчастье. Этот Тупак Каури запретил законом под [страхом] смертной казни, чтобы кто-либо пользовался «кильками», которые были пергаментом, и некоторыми листьями деревьев, на которых они писали, и никоим образом не применялось бы письмо. Это пророчество они выполняли с такой пунктуальностью, что после этой потери письма перуанцы никогда больше не применяли его. А когда некоторое время спустя один ученый, или «амаута», изобрел буквы (*carácteres*), его заживо сожгли. Итак, с этого времени они пользовались нитями и „кипо“...».²¹

К этому следует добавить, что в эпоху инков широко использовались символические знаки, встречающиеся большими группами на сосудах и одежде.

Нам предстоит коснуться еще двух, пожалуй, наиболее важных вопросов, которые не были и не могли быть освещены Гарсиласо.

Первый из них можно было бы сформулировать так: кто такие *инки*? В своем наиболее распространенном значении слово *инки* употребляется у нас в качестве названия народа, населявшего в доиспанский период территорию нынешнего Перу и ряда прилегавших районов, — примерно так же жителей древней Мексики принято называть астеками. Однако если в отношении древних мексиканцев это допустимо, то в случае с Перу имеет место очевидная ошибка. Жителей древнего Перу следовало бы называть индейцами кечва; инками же именовали только представителей — и исключительно мужского пола — клана правителей Тавантин-суйу, т. е. чрезвычайно малую часть мужского населения этой гигантской «империи».

Большинство буржуазных ученых придерживаются мнения, что инки являлись одним из кечванских или протокечванских племен, которое сумело утвердить свое господство над всеми остальными племенами кечва; после этого объединения племена кечва предприняли стремительную экспансию, в результате которой было создано Тавантин-суйу — чрезвычайно пестрое по своему этническому составу государство (см. карту).

Если согласиться с подобной концепцией, то мы должны признать существование (по крайней мере в древнем Перу) «племен господ» и «племен плебеев» или даже рабов. Нет необходимости разяснять, что подобная «историческая концепция» является чистейшим расизмом.

Вместе с тем нельзя не принимать во внимание утверждения всех хронистов о наличии прямых родственных связей в клане инков; он состоял

²¹ Cit. por. Gustavo Valcarcel, p. 104.

или в него допускались лишь «чистокровные» представители многочисленных айлью— в данном случае родовых колен (а не общин), — число которых соответствовало официальному числу инков-правителей.

Борьба за «чистокровность» в истории прошлого не является чем-то необычным. Она должна была гарантировать непрерывность «божественного» начала в правящей династии, а заодно и незабываемость ее царствования. Однако это не приближает нас к искомому ответу.

Как нам представляется, ответ на интересующий нас вопрос может быть следующим: имя инка на каком-то первоначальном этапе, скорее всего в период прихода и заселения центральной сьерры протокечванскими племенами, действительно принадлежало одному из этих племен. Именно это племя обосновалось там, где ныне находится город Куско. Однако уже вскоре у инков возникла необходимость вступить в долгую, длившуюся одно-два столетия борьбу с соседями, чтобы отстоять свое право на независимое существование. Процесс этот был длительным; племена то объединялись, то воевали друг с другом. Война требовала много внимания и сил; она становилась профессией. Наиболее удачливые «полководцы» пользовались особым уважением, которое со временем стало получать вполне конкретное материальное воплощение, особенно при дележе добычи. Так закладывалась экономическая основа для установления власти одних над другими. Однако родовые и внутриплеменные узы по-прежнему оставались достаточно сильными: «богатые» продолжали укреплять свою власть над «бедными», но это происходило внутри общины, взорвать которую они еще не могли. Постепенно «полководцы» не только на войне, но и в мирной жизни стали выразителями «общественных интересов» своего рода (племени), что не могло не проявляться и в чисто внешних атрибутах, к числу которых несомненно относилось *название племени*. Прежде этим именем называл себя весь род или племя; в новых условиях оно стало не только привилегией, но и собственностью вождя. Когда же власть вождя стала наследственной, слово «инка», по-видимому, приобрело также значение титула; им стали называть себя все мужчины, находившиеся в прямом родстве с вождем, а он сам добавил к общему для них всех титулу «инка» слово *sapa*, что означало «единственный инка», т. е. царь или верховный правитель. Этим путем (или другим, схожим) собственное имя целого племени перешло, а точнее, было узурпировано семейным кланом или правящей династией Тавантинсуйу. Это находит подтверждения (правда, косвенные) в официальной истории самих правителей Тавантинсуйу. Современные исследователи инкского государства давно обратили внимание на то, что первого после Манко Капака инку-правителя звали Синчи Рока. Между тем слово *синчи* на кечва означает «военный руководитель», «вождь». Оно лишено каких-либо элементов, указывающих на наследственный характер данной «должности». Более того, известно, что *синчи* избирались, причем лишь на период военных действий, т. е. на *ограниченный срок*. Из этого напра-

пивается вывод, что один из первых инков был (согласно официальной версии) всего лишь военным вождем и что в какой-то момент инкской истории понятия *инка* и «наследственный правитель» не обязательно совпадали.

Возьмем другой «эпизод» из этой же истории. С именем шестого инки большинство хронистов связывает переход власти от одной династии — «Нижнее Куско» к другой — «Верхнее Куско». Что и как произошло в тот легендарный период — вряд ли когда-либо удастся восстановить. Нам же важно то, что принцип прямого унаследования престола от отца к сыну был нарушен. Незыблемость этого принципа была подвергнута еще более серьезным испытаниям великим завоевателем и реформатором Пача-кутеком (у Гарсиласо — Вира-кочей), поскольку законность его прав на престол прямо отрицается многими хронистами.²²

Иными словами, в Тавантин-суйу инками уже не называли какое-то кечуанское племя; это было имя-титул высшей знати «империи», и, следовательно, он имел *социальное*, а не этническое содержание. Об этом свидетельствует, в частности, появление в Тавантин-суйу такой социальной категории, как «инки по привилегии»; запрещение под страхом смертной казни пользоваться отличительными знаками инков и т. п.; с другой стороны, степень «чистоты» инкского происхождения и даже кровных связей с правящей династией уже не играли доминирующую роль при наследовании престола. Однако родоплеменная основа все еще продолжала оказывать значительное влияние на социальную структуру общества; например, инкой по привилегии мог быть только индеец кечва и никакой другой индеец, каким бы великим, богатым и знатым он не был бы, как неоднократно повторяет Гарсиласо. Здесь не только дань далекому прошлому, но и хорошо продуманное стремление постоянно крепить правящую верхушку господствующего класса на единой этнической основе.

Теперь попытаемся определить, к какой социально-экономической формации принадлежало инкское общество. Его называют и первобытно-общинным строем, и рабовладельческим обществом, и феодализмом, и даже коммунизмом. У инков обнаруживают и азиатский способ производства; утверждают, что Тавантин-суйу всего лишь «обычная» военная деспотия. Удивительно то, что на первый взгляд для всех этих сравнений и знаков равенства находится материал, по крайней мере пригодный для сопоставления.

Бесспорно, что в основе всей экономической деятельности Тавантин-суйу лежала община — айлью. Внутреннее и внешнее общественное (политическое) и экономическое положение общины было весьма своеобразным. Внутри общины находилась *моногамная* семья — совокупность моногамных семей, — что подтверждается господством отцовского права.

²² Biblioteca Hombres. . .

Земельный надел — *тупу* — выделялся *мужчине*, как главе имеющейся (или могущей возникнуть в будущем!) семьи, а также его детям, *но не жене*. Размер выделяемого при ежегодном перераспределении общинных земель семейного надела (т. е. количество *тупу*) зависел только и исключительно от численного состава семьи. Подчинение семьи общине носило абсолютный характер, однако сам общинник не был на положении раба, поскольку имел право на свой земельный надел, и в этом смысле *был его владельцем* (собственником); он избирал руководителей административных подразделений общины из пяти, десяти и даже пятидесяти семей и, следовательно, мог сам быть избран таким руководителем (во главе ста и более семей уже стояли кураки или касики — представители родовой знати, занимавшие этот «пост» по наследству).

Моногамия является *признаком* наступления эпохи цивилизации, т. е. крушения родового строя и его главного института — общины; разрушают же родовой строй два *крупных разделения* общественного труда, на которые указывает Ф. Энгельс: выделение пастушеских племен, эквивалентом которого в условиях запада, т. е. Америки, являлось орошение возделываемых полей и постройки из адобов, а также отделение ремесла от земледелия. Оба эти явления четко просматриваются не только в инкском обществе, но и в предшествовавших инкам цивилизациях.

Далее Ф. Энгельс пишет, что родовой строй «... был взорван разделением труда и его последствием — расколом общества на классы. Он был заменен *государством*».²³ Между тем имеется целый ряд признаков-характеристик, указываемых Ф. Энгельсом в цитируемой нами работе, которые применительно к Тавантин-суйу говорят именно о том, что инкское общество уже перешагнуло первобытнообщинный строй, а созданная инками административно-управленческая надстройка являлась не чем иным, как *государством*. Напомним главные из этих признаков: государство отличается от родовой организации 1) территориальным делением; 2) наличием публичной власти; 3) взиманием налогов, которые «были совершенно не известны родовому обществу»; 4) появлением органов, стоящих над обществом. Подтверждение всего этого читатель найдет у Гарсиласо. Ф. Энгельс указывает, что родовые связи разрываются путем разделения членов общества на привилегированных и непривилегированных; в инкском обществе это было наглядно выражено в системе налогов, разделившей все население страны на меньшинство, *не платившее налоги*, и подавляющее большинство, *выплачивавшее налоги* (в том числе и личным трудом). Раскол общества делает государство необходимостью, а публичная власть, отделенная от массы народа, — один из характернейших признаков появления государства. Типичное для Тавантин-суйу господство над покоренными племенами и народами несовместимо с родовым строем.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 21. М., 1961, стр. 169.

Можно указать еще на многие подобные явления, свойственные Тавантин-суйу и свидетельствующие о том, что инкское общество уже вступило в период цивилизации.

Однако... однако имеются две чрезвычайно важные особенности инкского общества, ставящие под сомнение такое утверждение. К ним относятся, во-первых, отсутствие товара и «товара-товаров» — денег, а также рабов, без наличия которых абсурдно говорить о рабовладельческом характере любого общества.

Что касается первого, то создавшуюся в Тавантин-суйу ситуацию можно объяснить практическим *отсутствием* в фауне этого географического района животных, которые могли бы стать домашним скотом; между тем именно скот становится не только первым товаром, но и первыми деньгами. Его отсутствие в Америке резко затруднило процесс первоначального накопления и возникновения частной собственности. Попытку увидеть в листьях коки, в перце или иных сельскохозяйственных культурах своеобразные инкские «деньги» вряд ли следует признать правильной. Можно согласиться, что в дальнейшем они могли принять на себя функции денег, но к моменту прихода испанцев в Перу такого не случилось. Здесь, как нам представляется, в силу особых природных условий, а именно из-за отсутствия скота — лошадей, коров, овец, свиней, — сложились объективные условия, *затормозившие* этот исторически неизбежный процесс.

Сложнее обстоит дело с рабами. По свидетельству большинства хронистов в Тавантин-суйу не было института рабства. Лишь «янакон» можно отнести к категории домашних рабов, но их роль в экономической деятельности общества ничтожно мала, как ничтожно мала и их численность — несколько тысяч на более чем десятиллионное население Тавантин-суйу.

Между тем наличие этой категории населения, социально-экономическое положение которой радикально отличалось от положения подавляющей массы трудящихся, т. е. общинников, само по себе служит достаточно убедительным доказательством того, что инкское общество нельзя также уподоблять и так называемому азиатскому способу производства (или азиатским формам собственности), поскольку последнему, как указывал К. Маркс, было свойственно «поголовное рабство».²⁴

И все же вопрос о рабстве и о рабовладельческом строе в Тавантин-суйу на этом нельзя считать закрытым и вот почему. Мы уже говорили о внутреннем положении общины. Но на общину воздействовала также внешняя среда, и в том числе «общинная политика», сознательно и последовательно проводившаяся правящей элитой, т. е. кланом инков. Между тем инки самым решительным образом *укрепляли* общину, но не путем ее дальнейшего развития, которое лишь ускорило бы ее разложе-

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 46, ч. 1. М., 1968, стр. 485.

ние, а через полное подчинение общины интересам их государства. Поясним эту мысль: гарантом целостности общины было ее *абсолютное бесправие* по отношению к верховной власти, скрепленное личной ответственностью каждого ее члена за всю общину и всей общины за каждого общинника. Доказательством наличия именно такой ситуации является *митмак* — широко практиковавшееся инками насильственное переселение не только отдельных общин, но и целых народов.

Митмак в еще большей степени, чем при азиатских формах собственности, укреплял за *«объединяющим единым началом»* (К. Маркс) право собственности на землю, фактически абсолютизируя это его право, в результате чего община была лишена возможности выступать даже в качестве «наследственного владельца» земель. «Поэтому в условиях восточного деспотизма и кажущегося там юридического отсутствия собственности, — писал К. Маркс, — фактически в качестве его основы существует эта племенная или общинная собственность...»²⁵

Между тем в инкском обществе мы наблюдаем противоположное явление: при наличии митмака собственность общины на землю являлась всего лишь иллюзией.

Поставив общину и каждого ее члена под строжайший контроль, эффективность которого обеспечивала сама община, чему во многом способствовали неизжитые высочайшие нравственные нормы родового строя — о них говорят все хронисты, не скрывающие своего восторга и даже недоумения по поводу честности индейцев, — инки-правители превратили именно общину в главное *орудие эксплуатации* населения своей гигантской «империи».

В Тавантин-суйу действительно не было рабства в обычном понимании этого исторического явления, т. е. *индивидуального* рабства; вместо него, отвечая новым требованиям нового *классового* общества, в положении *коллективного раба оказалась сама родовая община*.

При знакомстве с положением общины больше всего поражает ее полнейшее бесправие. По существу все ее социально-экономические функции сводились исключительно к одним *обязанностям*: община поставляла воинов; сама занималась общественными работами (ремонт дорог, мостов, строительство оросительных каналов, платформ-террас для посевов и т. д.) или поставляла людей для работ «общегосударственного» масштаба и значения; она обеспечивала людьми все «государственные службы» как индивидуального характера (почтовые курьеры «часки»), так и коллективные — целые селения, т. е. те же общины, несли службу «коллективных» дровосеков, водовозов, домашних слуг, поваров, переносчиков императорских носилок, специалистов по отдельным видам ремесел и т. п. Четкая специализация общин обеспечивала высокое качество всех этих служб.

²⁵ Там же, стр. 463, 464

Главной же обязанностью общины было земледелие — основа основ всего могущества Тавантин-суйу. Оседлость населения и земледелие — явления взаимно обуславливающие друг друга. Инки не могли не понимать этого, однако — здесь мы высказываем еще одно предположение, — чтобы у общинника-земледельца не возникало ощущения права собственности на обрабатываемую им землю, ежегодно имело место каждый раз новое *перераспределение* участков пахотной земли между всеми членами общины, включая местную аристократию. Выделяемые наделы имели точные размеры, нарушение которых в любую сторону каралось строжайшим образом. Количество тупу изменялось лишь с увеличением или уменьшением семьи, что являлось эффективным стимулятором повсеместного роста населения — это также отмечается всеми хронистами и современными исследователями. Перераспределение земли решало и эту экономическую задачу, но одновременно оно создавало у общинника достаточно четкое ощущение своей полнейшей зависимости от общины и от верховной власти, которая и была владельцем единственного источника его существования — земли.

Все без исключения хронисты отмечают отсутствие нищеты и даже бедности в Тавантин-суйу. Основываясь на их сообщениях, Луис Э. Валькарсель пишет, что «империя Куско гарантировала всем человеческим существам, находившимся под ее юрисдикцией, право на жизнь через полное удовлетворение первостепенных физических нужд в питании, одежде, жилище, сохранении здоровья и в половых отношениях».²⁶ Именно эта «сытость» и «обутость» породила всевозможные высказывания о «коммунистическом» характере инкского общества, однако эти самые «сытость» и «обутость» общинника никак не противоречат высказанному выше мнению о положении общины — греческий или римский рабовладелец также должен был заботиться о «благополучии» своего раба, если хотел заставить его работать. Впрочем, община сама кормила и одевала и господствующие классы, и себя, чему во многом способствовали выдающиеся сельскохозяйственные культуры, прежде всего кукуруза и картофель, и высочайшая культура земледелия, которая, к слову будет сказано, отнюдь не являлась изобретением или достижением инков, а была лишь заимствована ими из тысячелетнего опыта индейцев Перу, как, впрочем, и сама община.

Именно такой вырисовывается схема экономической и политической ситуации Тавантин-суйу к моменту прихода испанцев. В жизни же все было гораздо сложнее. Институт *йанакун* (домашних рабов) укреплялся; земля, ставшая монопольной собственностью правителей из Куско в результате завоевательных походов, превратилась в предмет *вознаграждения* неинкской аристократии и отличившихся воинов, что означало появ-

²⁶ Biblioteca de Cultura Peruana Contemporanea, Luis E. Valcarcel, «El Estado Imperial de los Incas», p. 143.

ление частной собственности на землю. Местная знать постепенно набирала силы, используя созданные или получившие дальнейшее развитие при инках социально-экономические институты.

Таким образом, *классовый характер* инкского общества не вызывает сомнений; убедительное подтверждение этому читатель найдет в сочинении Гарсиласо, особенно в его рассказе о жестокостях Ата-Вальпы, в котором чрезвычайно ярко, хотя и непреднамеренно, показана иерархическая (классовая) лестница инкского общества.

Повторяем, что это только схема социально-экономической структуры империи инков, реальная действительность которой отличалась значительно большим многообразием форм ее конкретного воплощения в жизнь. Для нас же главным является то, что *социально-экономическое развитие Перу, при всем своем своеобразии и оригинальности, было подчинено общим законам развития человеческого общества.*

* *
*

Чтобы глубже понять и по достоинству оценить значение социально-исторического и литературного подвига Гарсиласо, нам следует обратиться к другому выдающемуся перуанцу — к Хосе Карлосу Мариатеги.

«В литературе колониального периода Гарсиласо стоит особняком, — писал Мариатеги в „Семи очерках“. — В его творчестве встретились две эпохи, две культуры. Но Гарсиласо был больше инка, чем конкистадор, больше кечва, чем испанец, что бывает довольно редко. И именно в этом и состоит его индивидуальность, его величие.

Гарсиласо — первый плод знакомства, результат плодотворной встречи двух рас: конкистадоров и индейцев. Исторически Гарсиласо был первым „перуанцем“, если под „перуанцем“ понимать социальное явление, возникшее в результате испанского завоевания и колонизации. Имя и творчество Гарсиласо — это целый этап развития перуанской литературы. Гарсиласо — первый перуанец, оставшийся в то же время испанцем. С историко-эстетической точки зрения его творчество относится к испанскому эпосу. Оно неотделимо от крупнейшей испанской эпопеи — открытия и завоевания Америки».²⁷

Как историк Гарсиласо передал нам, на наше суждение огромную информацию о Тавантин-суйу, осмысление которой потребует усилий еще не одного поколения историков. Как писатель он подарил миру великолепный образец испанской хроники эпохи Возрождения, явившейся одновременно первым выдающимся произведением не только перуанской,

²⁷ Х. К. Мариатеги. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963, стр. 266, 267.

но и в целом латиноамериканской литературы. Уже всего этого несомненно было бы вполне достаточно, чтобы навсегда вписать его имя в золотой фонд мировой культуры.

Но Гарсиласо пошел еще дальше. Он сумел из далекого и в то же время близкого, но навсегда ушедшего прошлого своей первой родины придумать прекрасную легенду о наилучшем, справедливом, добром государстве, усилия которого были направлены на всеобщее благо для его подданных; легенду о мудрых, благородных и заботливых правителях этого государства, воплотивших в жизнь извечное стремление человека к счастью.

Но счастье это не было одинаковым для всех; по-разному жили и трудились граждане этого государства. Путь ко всеобщему благу не был в нем идиллией всепрощающей доброты — правители государства со всей решимостью, суровой непреклонностью и даже жестокостью искореняли пороки человеческого общества.

Это был дорогой его сердцу идеал, который он противопоставил мрачной и жестокой действительности. Он говорил не только от своего имени; он говорил голосом миллионов замученных, истерзанных, погибших в сражениях, на плахе или от непосильного труда своих сородичей-индейцев. У него не было оружия для другой борьбы — у него была только прекрасная песня о прекрасном человеческом обществе, которое, как ему казалось, он знал и к которому он мог принадлежать.

Мы не знаем, был ли Гарсиласо знаком с «Золотой книгой» Томаса Мора — напомним, что она вышла в свет в 1516 г., т. е. более чем за 20 лет до его рождения, — но, даже если он не читал ее и не слышал об идеальном обществе «на новом острове Утопия», все же рожденные ею идеи о справедливости и высоком гуманизме не могли пройти мимо пытливого метиса.

Имеется и другая сторона этого вопроса. Совершенно очевидно, что сам Гарсиласо был одним из тех, кто принес в Европу по крайней мере ростки тех идей, которые на новой почве помогли вызреванию золотой утопической мечты великих духом людей об идеальном обществе. Напомним, что великий сын Италии Томмазо Кампанелла назвал свою мечту о человеческом счастье «Городом Солнца» (1623 г.), и вполне допустимо, что его рассказ о солжарях — жителях этого города — складывался под влиянием рассказов о других людях, поклонявшихся Солнцу в далеком и таинственном царстве Тавантин-суйу. Между тем никто не сумел поведать миру о Тавантин-суйу с такой страстью и такой любовью, как Инка Гарсиласо де ла Вега.

Но мечты Гарсиласо, какими бы утопическими они ни были, находили отклики в делах земных и вполне реальных. Творчество Гарсиласо не раз подвергалось яростным нападкам; ставилось под сомнение буквально все, что было связано с именем великого метиса. С ним боролись и колониальные власти Испании: так королевским указом от 21 апреля

1782 г., т. е. сразу же после подавления восстания индейцев, возглавленного Тупак Амару II, в Лиме и Буэнос-Айресе было приказано изъять по возможности все имеющиеся там экземпляры книги Гарсиласо, которая якобы предсказывала восстановление власти инков, иначе говоря, свободу угнетенным массам индейцев.

Аргентинский исследователь Гарсиласо Рикардо Рожас указывает на другой интересный факт: национальный герой Аргентины генерал Сан Мартин намеревался издать «Комментарии» Гарсиласо, считая, что они будут способствовать росту патриотических настроений.²⁸ Известно также, что идеолог и вождь национально-освободительной борьбы народов Латинской Америки против испанского колониального ига Франсиско Миранда заимствовал именно у Гарсиласо идеи создания нового государства, в основу которого он хотел положить «инкский опыт» и римскую демократию.

В 1955 г. в Лиме состоялся международный симпозиум, посвященный жизни и творчеству Гарсиласо. Значителен тот вклад, который внесли современные ученые, особенно перуанские, в правильное понимание творчества этого выдающегося перуанца. Изучение его творчества продолжается и сегодня, ибо литературное наследие, оставленное гениальным метисом, нашло свое достойное место в золотом фонде мировой культуры.

Первое издание предлагаемого ныне советскому читателю труда Гарсиласо вышло в свет в Лиссабоне в 1609 г. Переиздания: Мадрид, 1723; 1800—1801. Большой интерес представляет одно из последних изданий Гарсиласо, вышедшее в свет в Испании. Оно вошло в знаменитую многотомную «Библиотеку Испанских Авторов». Сочинения Гарсиласо вышли в четырех томах, которые датированы 1960, 1963 и 1965 гг. В первом томе опубликованы «Диалоги любви», «Сообщение о происхождении рода Гарси Переса де Воргаса» и «Флорида»; во втором — «Подлинные комментарии»; в третьем — «Завоевание Перу» (одно из общепринятых названий «Всеобщей истории Перу») с первой по пятую книгу; в четвертом — «Завоевание Перу» с шестой по восьмую книгу, а также «Малые произведения» Гарсиласо (несколько писем и предисловий); кроме того, в этом же томе опубликована «Индийская история» Педро Сармьенто де Гамбоа. Заканчивается издание лингвистическим указателем и указателем имен и предметов, которые, к сожалению, представляют слишком малый интерес, поскольку не дают никаких объяснений, а содержат только перечень имен и названий.

Как уже указывалось, «Комментарии» издавались на испанском языке и в других испаноязычных странах. Нам хотелось бы особо выделить два из них. Первое по времени и по богатству полиграфии вышло в 1943 г. в Буэнос-Айресе. Анхель Розенблат, подготовивший эту публи-

²⁸ «Comentarios Reales», Prologo de Garcia Ricardo Rojas. Ed. «Rosenblat». Buenos Aires, 1943.

кацию, сделал все, чтобы оно одновременно напоминало бы читателю оригинал (шрифт, расположение полос) и явилось образцом современного полиграфического искусства. Второе издание, на которое мы хотим указать, вышло в Уругвае (Монтевидео) в 1963 г. Оно полностью сохранило оригинальный текст, тогдашнюю орфографию и даже ошибки автора и опечатки издателя. Именно в этом его огромная ценность (*Comentarios Reales de los Incas*. Montevideo, 1963).

«Комментарии» были переведены на большинство западноевропейских языков. Первый из переводов появился уже в 1633 г. Он был издан в Париже на французском языке: *Le commentaire royal ou l'Histoire des Incas, rois du Peru. Ecrite en langue peruvienne par l'Inca Garcilaso de la Vega natif de Cozco et fidellement traduite sur la version espagnolle, par I. Baudouin, Paris, 1633.*

Первое английское издание «Комментариев» вышло в 1678 г.: *The Royal Commentaries of Peru in two part written originally in spanish by the Inca Garcilasso de la Vega and rendered into english by Sir Paul Rycant. London.*

«Комментарии» неоднократно переиздавались как на французском, так и на английском языках. Один из английских переводов принадлежит известному британскому ученому К. Р. Маркхему — он вышел в двух томах в 1869—1871 гг., — а последний появился на свет в 1963 г. (*The Incas: the Royal Commentaries of the Inca Garcilaso de la Vega, 1539—1616. Translated by Maria Jolas, from the critical annotated French edition of Alain Gheerbrant. Introduction by Alain Gheerbrant. London Cassel, 1963*).

«Комментарии» издавались также в США, Германии и ряде других стран. Об Инке Гарсиласо и его «Комментариях» написаны сотни книг и множество статей. «Комментарии» Гарсиласо переводятся на русский язык впервые. Следует учитывать, что Гарсиласо писал исторический труд. Поэтому было бы неверно сравнивать его язык с языком Серваптеса или Лопе де Вега, создававшими в эти же годы свои шедевры. Кроме того, при чтении оригинала создается впечатление, что автор словно бы преднамеренно не торопится расстаться с архаичным даже для его времени языком, как бы отдавая тем самым дань древности, о которой ведет свой рассказ. Это особенно ясно ощущается в построении фраз и периодов, занимающих иногда почти целые страницы (отсюда бесконечное множество союзов и местоимений).

Все это создавало серьезные сложности при переводе, главная из которых была порождена желанием переводчика по возможности сохранить своеобразие языка не только эпохи, но и автора.

В качестве приложения приводится единственный сохранившийся образец перуанской драматургии — «Апу Ольянтай». Эта драма написана на языке кечва рифмованными стихами. Русский перевод размером подлинника сделан Ю. А. Зубрицким. «Апу Ольянтай» написан неизвестным

автором, вероятно, индейцем или метисом, во второй половине XVI—начале XVII в.

Эта драма, пользовавшаяся большой популярностью, была запрещена, как и вся перуанская драматургия, специальным указом испанского короля (после восстания Габриэля Кондорканки). Рукописи драм на языке кечва подлежали изъятию и уничтожению. Рукопись драмы сохранилась в библиотеке монастыря Санто-Доминго (Куско) и в отдельных частных собраниях. «Апу Ольянтай» не только дает представление об индейской литературе, но и является незаменимым историческим источником, дополняющим описания Гарсиласо и испанских хроник. Содержание драмы во многом перекликается с текстом Гарсиласо, однако отношение автора «Апу Ольянтай» к инке Пача-кутеку, к военным походам, сохранению «чистоты крови» инков и т. п. совершенно иное. Автор драмы был превосходно знаком с самыми различными сторонами жизни государства инков и, как и Гарсиласо, широко использовал устную традицию.

В качестве иллюстраций в книге приводятся оригинальные рисунки из уникальной рукописи второй половины XVI в. «Первая новая хроника и доброе правление». Ссылки на нее даны в подписях под рисунками в прямых скобках. Автор рукописи Фелипе Гуаман Пома де Айяла (т. е. Баман Пума из Айялы) был из рода йаро-вилька, который правил в провинции Чинча-суйу еще до прихода туда инков. Эта обширная хроника (1179 рукописных страниц) иллюстрирована 456 рисунками, сделанными черными чернилами. Она написана около 1567 г. (окончательная редакция относится к 1613 г.) и предназначалась испанскому королю. Долгое время она оставалась неизвестной. В 1908 г. ученый Ричард Питшман обнаружил ее в королевской библиотеке Копенгагена. Уникальные рисунки Пома де Айяла представляют исключительный интерес. Подписи к ним автор сделал на двух языках — кечва и испанском. В переводе подписей сохранена испанская орфография автора при написании имен и названий.

В. А. Кузьмищев